УДК 37.013
ББК 74.489

DOI: 10.31862/2218-8711-2020-1-181-197

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОСНОВНЫХ КАТЕГОРИЙ ФОРМИРОВАНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БАКАЛАВРА ЮРИСПРУДЕНЦИИ

TERMINOLOGICAL ASPECTS OF INTERRELATION OF MAIN CATEGORIES OF FORMING
THE ANTI-CORRUPTION CULTURE OF THE BACHELOR OF LAWS

Штукарев Никита Андреевич

Преподаватель Оренбургского института
(филиала) Университета имени О. Е. Кутафина
(МГЮА), аспирант кафедры общей и
профессиональной педагогики Оренбургского
государственного университета
E-mail: shtukarev.nikita@mail.ru

Shtukarev Nikita A.

Lecturer at Orenburg institute (branch) of
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
post-graduate student at the Department
of general and professional Pedagogics of
Orenburg State University
E-mail: shtukarev.nikita@mail.ru

Аннотация. В статье автор раскрывает содержательную связь основных категорий формирования антикоррупционной культуры будущего бакалавра юриспруденции: «культура», «коррупционная культура», «антикоррупционное образование», «антикоррупционное воспитание», «антикоррупционная компетентность», «антикоррупционное просвещение», «образовательное пространство юридического вуза». Отмечается, что в современном российском обществе наблюдаются тенденции деградации традиционной культуры; активно формируются

Abstract. In the article the author reveals the substantive link between the main categories of forming the future anti-corruption culture of the Bachelor of Laws: "culture", "corruption culture", "anti-corruption training", "anti-corruption education", "anti-corruption competence", "educational space of a law school". It is noted that in modern Russian society there are trends of degradation of the traditional culture; anti-values are being actively formed and spread, moral ideals are being lost, practically the whole space of human life is being dehumanized. The analysis

© Штукарев Н. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

и распространяются антиценности, утрачиваются нравственные идеалы, дегуманизируется сфера жизнедеятельности человека. Анализ исследовательского пространства профессиональной подготовки в юридическом вузе позволяет автору настаивать на необходимости создания дискурсивного поля новой отрасли педагогического знания – антикоррупционной педагогики.

Ключевые слова: культура, коррупционная культура, образование, антикоррупционное образование, антикоррупционное воспитание, антикоррупционная компетентность, антикоррупционное просвещение, образовательное пространство юридического вуза, антикоррупционная педагогика.

of the research space of professional training at a law school allows the author to insist on the need to create a discursive field of a new branch of pedagogical knowledge – anti-corruption pedagogy.

Keywords: culture, corruption culture, education, anti-corruption training, anti-corruption education, anti-corruption competence, anti-corruption enlightenment, educational space of a law school, anti-corruption pedagogy.

Проблема коррупции как социокультурного феномена была и остается актуальной как для правотворческих органов, так и для научного сообщества.

В современной философской традиции взгляд на коррупцию сводится к обозначению ее связи с нравственным релятивизмом (В. В. Горбова), с деантропологизацией человека (П. С. Гуревич); социологическая теория связывает коррупцию с дефектами в культурной структуре общества (аномией), с особенностями работы социального механизма.

Интерес социологов сосредоточен также на установлении взаимосвязи коррупционного поведения и направленности личности, выявлении причинно-следственных связей между коррупционным поведением и укрепляющим свои позиции обществом потребления (Ж. Бодрийяр, Э. Дюркгейм, Е. Г. Каменский, Р. Мертон, Т. Парсонс, И. А. Савченко). Культурологи конституируют коррупцию как культурный феномен и предлагают преодолевать ее посредством обнаружения методов и способов, выработанных самой культурой, в частности через создание антогониста – культуры антикоррупционной (А. Г. Кислов, Н. В. Сюзева, А. Я. Флиер).

Юристы, рассматривая коррупцию, прежде всего акцентируют внимание на мерах по ее преодолению посредством борьбы с правовым нигилизмом, на формировании правосознания и правовой культуры, на унификации международного и национального законодательства по борьбе с коррупцией в целях реализации успешной правоприменительной деятельности, на выработке государственной политики по противодействию коррупции; осмысливается феномен бытовой коррупции (А. В. Малько, В. В. Невинский, Э. Л. Сидоренко, К. Б. Толкачев, С. Е. Чаннов).

Теоретики психологи и педагоги заостряют внимание на аксиологических противоречиях, раздирающих современное общество, на противоречивости индивидуального сознания,

выраженного в процессах фрустрации и депривации личности, потери ею жизненных смыслов, отсутствии ориентиров-ценностей, отчужденности личности от современного общества; предметом исследований является предрасположенность личности к коррупции, социально-психологические аспекты ее восприятия (Д. И. Гвоздева, С. Г. Джанерьян, Е. А. Петрова, Э. Фромм, К. Г. Юнг). В педагогической теории разрабатываются методики реализации антикоррупционного образования в вузе и предлагаются соответствующие учебные программы (С. Л. Алексеев, К. О. Битюков, О. Н. Журавлева, Ю. С. Сергеева, А. Р. Хамдеев, Р. Н. Шайдуллин).

Несмотря на различные точки зрения в рассмотрении проблемы коррупции и борьбы с ней в различных научных отраслях знания, можно сделать одно важное замечание: так или иначе, проблема коррупции – это проблема культуры, напрямую связанная с разрушением духовно-нравственных основ личности, снижением влияния моральных образцов, идеалов и нравственных императивов на поведение индивида, а в более точном выражении – с падением духовности. Приведем в связи с этим несколько значимых, по нашему мнению, позиций, подтверждающих авторское видение проблемы, актуализирующих проводимое исследование.

Эрих Фромм, анализируя социум, охарактеризовал состояние современного человека как глубоко фрустрированное, порождающее его беспомощность и бессилие перед внешним миром. По его словам, человек отчужден (одинок) в современном обществе: «...человек становится чужим самому себе. Он как бы “отстраняется”, отделяется от себя. Он перестает быть центром собственного мира, хозяином своих поступков; наоборот – эти поступки и их последствия подчиняют его себе, им он повинует и порой даже превращает их в некий культ» [1]. Такое состояние – питательная среда для коррупции и других деструкций личности. Коррупция поработочает человека, разжигая его желания и страсти к материальному благополучию. Более того, в обществе стало культивироваться потребительское отношение не только к материальному, но и к человеку как духовному существу, подрывая моральные основы, предвосхищая «материальные заболевания» личности, в том числе и коррупцию.

Жан Бодрийяр точно обозначил сущность общества потребления: «люди в обществе изобилия окружены не столько, как это было во все времена, другими людьми, сколько объектами потребления. Их повседневное общение состоит не в общении с себе подобными, а в получении, в соответствии с растущей статистической кривой, благ и посланий и в манипуляции с ними...» [2]. Иными словами, современный человек видит другого человека постольку, поскольку он может удовлетворить его потребности, формируемые на бессознательном уровне желаниями и влечениями. Такой утилитаристский подход в отношениях между людьми свидетельствует о кризисе духовности и, в конечном счете, порождает совокупность социальных заболеваний, дезорганизующих функционирование социального механизма. Мы придерживаемся позиции проф. Р. М. Асадуллина и проф. О. В. Фролова, утверждающих, что «педагогика, как и любая гуманитарная наука, не может изучать свой предмет без постоянной мысли о человеке... Для педагогики принципиально важно определение не только образа человека, но также путей и условий его изменения и развития...» [3, с. 33–35]. Этот вывод требует педагогического осмысления проблемы и предложения педагогической теорией и практикой методов воздействия на человека.

В соответствии с Национальным планом по противодействию коррупции, одним из существенных направлений противодействия коррупции является «повышение

эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания» [4]. Реализация этой задачи предопределяется процессом формирования антикоррупционной культуры будущего юриста, которая представляет собой сложное системное образование, понимание которого невозможно без обращения к содержанию таких категорий, как «культура», «коррупционная культура», «антикоррупционное просвещение», «антикоррупционное образование», «антикоррупционное воспитание», «антикоррупционная компетентность», поскольку указанные категории выражают процессуальный и результирующий аспекты антикоррупционной культуры, определяют ее специфику.

В настоящей статье нами сделана попытка осмысления в рамках педагогики понятия «культура», которое сегодня становится чрезвычайно актуальным, так как напрямую связывается с идентичностью, многообразием и дифференциацией окружающей действительности.

«Что из себя представляет культура – единую интегрированную систему, совокупность различных систем/подсистем, структур или же элементов; своеобразный фон, контекст или же вообще самостоятельную силу (по аналогии с античной Судьбой), зацикленную на отдельных индивидах, коллективах, обществах, способную без учета иных факторов преобразовывать социальные и иные пространства?» – задается вопросом проф. Л. Г. Ерекешева [5, с. 3]. Постановка этого вопроса, а также ответы на них в гуманитарных дисциплинах разные.

Обратимся к краткому анализу позиций ведущих отечественных и зарубежных ученых относительно понимания культуры.

Раскрывая содержание термина «культура», проф. А. Я. Флиер характеризует ее как «системное предпочтение чего-то благого, истинного, правильного (стиля поведения, поступка, идеи, религиозного образца, художественного образа и пр.) чему-то менее правильному, и основой такого предпочтения всегда являются ценностные ориентации человека» [6, с. 31].

В понимании проф. Э. С. Маркаряна культура представляет собой «систему надбиологически выработанных средств осуществления человеческой деятельности, благодаря которым и происходит функционирование и развитие общественной жизни людей» [7, с. 106].

Подчеркивая высоко интегрированный характер культуры, аксиологи рассматривают ее как «ценностно-нормативную структуру, формирующую личность», «совокупность социально значимых человеческих ценностей», «метод ценностного освоения реальности посредством системы норм, оценок, образцов поведения» [8, с. 2], ибо, как полагает проф. А. В. Кирьякова, «ценностное отношение к миру есть результат отражения и осмысления полученных впечатлений, в который вплетены микросостояния человеческой души, эмоций» [9, с. 79].

С позиции аксиологии рассматривал культуру Р. Мертон. В его понимании культура не что иное, как «организованная совокупность нормативных ценностей, управляющих поведением, характерным для членов определенного общества или группы» [10, с. 284].

Подход П. С. Гуревича к раскрытию сущности культуры основан на обозначении ее адаптивной, социализирующей функции. Культура, по его мнению, – средство утверждения себя в мире, средство удовлетворения экзистенциальных потребностей. Культура – «феномен, рожденный незавершенностью, открытостью человеческой природы, разворачиванием творческой деятельности человека, направленной на поиск сакрального смысла бытия» [11].

Э. Тайлор, анализируя культуру в предметной области социологии как идеальный объект, полагал, что культура представляет собой способ совершенствования общего через особенное и индивидуальное (единичное), рассматривал ее как некий буфер или хранилище верований, нравственности, законов, других человеческих установлений, являющихся вектором, направлением развития общества. Культура – это «общее усовершенствование человеческого рода путем высшей организации отдельного человека и целого общества с целью одновременного содействия развитию нравственности, силы и счастья человека» [12, с. 24].

Перечисленные подходы к пониманию культуры не исчерпывают ее содержание, но подчеркивают ценностное, экзистенциальное, социализирующее, созидательное, ориентационно-предпочтительное значение.

В то же время культура как результат духовной и материальной жизни людей в ходе их взаимодействия между собой и с окружающим миром не сводится только к сугубо положительному содержанию. «Антисоциальность – это такое же дитя культуры, как и положительная социальность» [13, с. 94]. Следовательно, коррупция как культурное проявление «идеационного и чувственного» (П. Сорокин) представляет собой «особую социальную структуру, то есть совокупность устойчивых и достаточно универсальных (они приспособлены к существованию в различных сферах жизни общества) норм, принципов, взаимоотношений людей» [14].

Признак историчности и устойчивости порочных практик социального взаимодействия, системность норм, принципов, правил поведения, регулирующих неформальные отношения, отражают процесс возникновения *коррупционной культуры*, под которой мы понимаем совокупность ценностно нормативных регулятивов, обусловленных исторически сложившимися стереотипами коррупционного поведения, направленными на удовлетворение личной выгоды в противовес общественным интересам.

Важно обратить внимание на то, что коррупционная культура как область научного поиска возникла недавно. В научной литературе исследуются вопросы определения сущности данного феномена, уровни и функции коррупционной культуры, условия преодоления симптомов этого культурного образования, особенности коррупционной культуры применительно к конкретным сферам деятельности (коррупционная культура в образовании), определяется место коррупционной культуры в общей культуре социума.

Анализ культурологической и педагогической литературы дает возможность установить взаимосвязь культуры и коррупции, выражаемую в следующих формах: отождествление коррупции и культуры, когда коррупция является ее неотъемлемой частью; коррупция как временное состояние, являющееся следствием аксиологических противоречий общества; коррупция как явление, детерминируемое культурной традицией, характерной для конкретного общества [15]. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Е. Г. Каменского об особенностях российской коррупционной культуры, которая «интегрирует в себе черты всех указанных типов коррупции как в социально-содержательном, так и в детерминационном аспекте» [16, с. 76]. Взгляд на содержательное соотношение культуры и коррупции позволяет прийти к выводу, что коррупция – это прежде всего «культурогенная проблема» [17, с. 190], решение которой возможно преимущественно культурными средствами – путем формирования антикоррупционных стандартов поведения, антикоррупционных ценностей, а в обобщенном виде – сформированностью антикоррупционной культуры. Культура, таким образом, – и лекарство

от социального заболевания, и причина, порождающая его. На эту особенность культуры обратили внимание А. Г. Кислов и Н. В. Сюзева, рассматривая категорию «амбивалентность». «Культура, – утверждают исследователи, – амбивалентна в отношении коррупции: она ее и порождает, и обеспечивает воспроизводство, легитимирует, вуалирует и, что наиболее интересно и важно, все же имеет ресурс противостояния и ее предупреждения» [18, с. 82].

Культурные причины коррупции многообразны, многочисленны и предопределяются не только экономическими, политическими факторами, интернациональными по своему содержанию, но и национальными особенностями как культурным стандартом, наделенным моральной значимостью, исторически обусловленным сложившейся самобытной системой социальных связей, взаимодействий и взаимоотношений, тесно вплетенных в общественное сознание.

В научной литературе осмысливаются культурно-исторические аспекты возникновения коррупционных проявлений в русском национальном сознании: «общественное и индивидуальное правосознание претерпели определенные деформации в силу исторически сложившихся стереотипов подношения, которые стали особенностью русской культуры» [19, с. 105]. Иными словами, «задабривание» просителем лица, имеющего властные полномочия, способного решить проблемы просящего, считается допустимым вариантом поведения, а в некоторых случаях желательным.

Характеризуя русское национальное самосознание, Н. А. Бердяев не раз отмечал стремление русской души к наживе нечестными путями: «Жажда наживы охватила слишком широкие слои русского народа. Обнаруживается вековой недостаток честности и чести в русском человеке, недостаток нравственного воспитания личности и свободного ее самоограничения» [20].

О русской культурной ментальности как причине порождения коррупционных практик пишут В. В. Горбова и А. В. Пучинин, по мнению которых «даже положительные качества русской культурной традиции несут в себе коррупционный потенциал» (например, «чувство жертвенности», «глубокая религиозность», «особое чувство родственности») [21, с. 334]. Указанные обстоятельства, отражающие содержательную связь культуры с коррупцией, актуализируют задачу правильного определения, выявления в культуре ее позитивного содержания, посредством которого возможно минимизировать проявление коррупции. Мы разделяем позицию Д. Гудинга и Дж. Леннокса, утверждающих, что «...прежде чем искать способ преодоления порочной природы человека, нам следует сначала правильно диагностировать причину болезни человеческого общества, а не довольствоваться борьбой с ее симптомами. Иначе говоря, мы должны задаться вопросом, является ли неправильное поведение человека просто поверхностными нарушениями, в сущности своей здоровой нравственной натуры, типа, например, случайной головной боли, или это временная реакция на некоторую нравственную инфекцию или яд, попавший в моральный организм здорового человека и вызвавший реакцию типа гриппа или малярии, или это симптом некоторого фундаментального дефекта в нравственной организации человека» [22, с. 355].

Что является тем «лекарственным средством» развития культуры, «прием» которого обеспечит положительный результат в предупреждении коррупции как «нравственной инфекции», разрушающей «культурные ценностные модели, обеспечивающие позитивную

связь социальной и культурной систем, отражающих своеобразие нормативного порядка общества» [5]? Бесспорно, таким «фундаментальным средством развития культуры» является антикоррупционное образование. Почему именно образование? Каковы основные национальные ценности образования как социокультурного феномена, обладающего антропологическим эффектом и призванного обеспечить процесс усвоения и присвоения личностью культуры и противостояния полярным по отношению к гуманистическим ценностям и культуре явлениям, таким как антиценности и антикультура? Поиски культурной парадигмы образования в настоящее время становятся одной из насущных проблем общества в целом и педагогического сообщества в частности.

Основные национальные ценности образования – это национальные ценности культуры, изучение которых предусмотрено образовательными программами; памятники отечественной педагогической культуры; исторически сложившиеся народные традиции воспитания; классическое педагогическое наследие, ведущие идеи, теории и концепции, получившие отражение в трудах выдающихся педагогов; научная и практическая педагогическая литература; творческий педагогический опыт и потенциал профессиональной деятельности педагога, присущие ему гуманистические качества; программные нормативные документы, определившие прогрессивные образовательные реформы. В качестве одной из трех базисных ценностей российского образования проф. А. В. Кирьякова выделяет школу как «среду, в которой происходит сохранение и передача духовного опыта и культурного наследия народа, условие формирования национального самосознания» [9, с. 59].

Образование – это своеобразный фильтр, через который личность отсеивает ценностные модели, разрушающие нормативный порядок, оказывающий влияние на социальную, личностную, органическую системы и «вбирает» в себя позитивное культурное содержание, основанное, прежде всего, на «ценностных ориентациях как устойчивых аксиологических компонентах структуры личности, выступающих результатом синтеза, происходящего в процессе жизнедеятельности, в процессе обучения» [23].

Как справедливо подчеркивает Г. И. Гайсина, «целью образования является образование (развитие) человека как индивидуальности: совершенствование его духовных сил, способностей, возвышение потребностей, воспитание морально ответственным и социально приспособленным человеком... Это процесс овладения культурой, направленный на изменение – развитие, целостное преобразование человека» [24, с. 114]. Подчеркнув предназначение образования сквозь призму взаимодействия с культурой, выявив его ценностные основания и движущие силы, считаем необходимым применительно к проблеме формирования антикоррупционной культуры студентов – будущих юристов выявить специфику такой категории, как «антикоррупционное образование».

Что же представляет собой антикоррупционное образование? В научной литературе сложились различные представления о данном феномене. В частности, антикоррупционное образование понимается как совокупность мер, в числе которых пропаганда правового поведения, формирование непримиримого отношения к коррупции, популяризация антикоррупционных стандартов поведения (С. В. Данелян, А. В. Мещерякова, Т. В. Цатурян); как система, включающая специальные знания о коррупции и ответственности за нее, общечеловеческие и гуманистические правовые идеи, национальные правовые ценности,

моральные принципы, чувство патриотизма и другие (В. Е. Шорохов). Применительно к профессиональной сфере сотрудников правоохранительных органов антикоррупционное образование являет собой «целенаправленную системную деятельность государства, общества, образовательной организации и обучаемых по формированию ценностной основы неприятия коррупционных отношений» (С. М. Николаев).

Принимая во внимание изложенные подходы, мы склонны рассматривать антикоррупционное образование как целенаправленный процесс воспитания и обучения личности с целью формирования у нее антикоррупционных компетенций, выраженных в системе знаний, умений и навыков практической деятельности, а также ценностных ориентаций и установок антикоррупционного характера, эмоционально-волевого неприятия коррупции и стимулов активного сопротивления любым проявлениям коррупционной культуры в жизни социума [25].

В содержании антикоррупционного образования условно можно выделить аксиологический и знаниевый компоненты. Знаниевая составляющая антикоррупционного образования (антикоррупционное обучение) важна для понимания причин и условий коррупции, психологического механизма коррупционного поведения, основных мер по пресечению коррупции и борьбы с ней. Знаниевая структура образования выражена в понятии компетенции, объем которой раскрывается через совокупность знаний, умений и навыков. Как известно, результатом овладения компетенциями является компетентность. Проектируя это на антикоррупционное образование, приходим к выводу, что антикоррупционная компетентность представляет собой совокупность антикоррупционного мировоззрения, умений и навыков антикоррупционного поведения [26, с. 35]. Иначе говоря, категория антикоррупционная компетентность – это практико-ориентированный аспект сформированной антикоррупционной культуры студента юридического вуза, раскрывающий суть должного применения антикоррупционных знаний и навыков в правовой ситуации. Однако антикоррупционная компетентность как результат антикоррупционного образования может быть реализована не только во благо, но и во вред, когда имеющиеся знания используются для совершения коррупционных правонарушений и преступлений.

Мы поддерживаем точку зрения С. М. Николаева, утверждающего, что «современное образование зачастую направлено на ознакомление с результатами познания, при этом отсутствует акцент на главное из главного – любить добро и ненавидеть зло, наслаждаться познанием истины и верно служить ей» [25, с. 24]. Поэтому важно сформировать у студента юридического вуза эмоциональное отношение к полученным знаниям о коррупции и ее разрушительных последствиях как для общества в целом, так и для отдельной личности. В этом отношении Д. Киз верно заметил, что «голые знания, не пронизанные человеческими чувствами, не стоят и ломаного гроша» [27, с. 255]. Вступление в коррупционные отношения приводит к деформации духовно-нравственной основы личности, ее ценностных ориентаций. Нельзя не согласиться с мнением В. В. Горбовой, понимающей коррупцию как «анормальную норму» социального порядка, связанную с укорененными нравственными пороками личности, кои являются страсть к личной выгоде и наживе, продажность. [28, с. 41].

Как было отмечено, любое знание становится полезным и действенным лишь в процессе критического осмысления и выработки собственного ценностного отношения

к нему. Поэтому, раскрывая содержание антикоррупционного образования, мы считаем наиболее важным обратить внимание на его аксиологический контент, который формируется посредством антикоррупционного воспитания.

С изменением социальных условий жизни, развитием потребностей общества и личности трансформируются и ценности, в основе которых лежит выбор и предпочтение субъектом определенного качества. Ценность – это «дорожный знак», позволяющий личности пройти социальный путь под названием «жизнь» без нарушения «правил дорожного движения». Для того, чтобы личность могла адекватно присвоить ценности, обладающие антикоррупционным контекстом, необходима разумно организованная система антикоррупционного воспитания, которая является неотъемлемой частью антикоррупционного образования.

В общем и целом воспитание в педагогической теории и практике понимается как процесс формирования личности, обусловленный приобретением норм и правил поведения, необходимых для ее социализации. Что же составляет стержень воспитания, каков его потенциал в формировании личности, занимающей активную позицию в вопросе противодействия коррупции и коррупционной культуре?

В этом смысле М. Монтень очень точно определил сущность воспитания, его ценностное ядро: «Пусть наставник заставляет ученика как бы просеивать через сито все, что он ему преподносит, и пусть ничего не вдолбливает ему в голову, опираясь на свой авторитет и влияние... Пусть учитель изложит ему, чем отличаются эти учения друг от друга; ученик же, если это будет ему по силам, пусть сделает выбор самостоятельно или, по крайней мере, останется при сомнении. Только глупцы могут быть непоколебимы в своей уверенности» [29].

Значит, антикоррупционное воспитание должно формировать у личности избирательное отношение (положительное, отрицательное или нейтральное) к явлениям действительности на основе их критического осмысления, сопоставления со складывающейся индивидуальной иерархией ценностей. Применительно к коррупции – стойкое неприятие коррупционной культуры, возможность анализа коррупционной ситуации, понимания негативных последствий вступления в коррупционные отношения в индивидуальном и общественном аспекте.

Еще одним сущностным аспектом воспитания является его способность через формируемые чувства долга и такие качества личности, как совесть, порядочность, честность, гражданственность, предохранять личность от асоциального поведения. «Воспитание включает в себя профилактику дурных влияний: оно обязано помочь человеку стать нечувствительным к растлевающим воздействиям среды» [30, с. 26].

Нам близка позиция С. А. Днепров и В. В. Никоряк относительно содержания антикоррупционного воспитания: «антикоррупционное воспитание должно представлять собой развитие ценностных установок и способностей к проявлению гражданской позиции, уважению закона, волевому и решительному отказу от его нарушений. Иными словами – антикоррупционных ценностей» [31, с. 13].

Реализация антикоррупционного воспитания предопределяется единым образовательным пространством юридического вуза, культурная специфика которого характеризуется, по мнению С. К. Бондаревой, пространством знаний, пространством культуры отношений, «средой обитания в вузе» (материально-предметное пространство вуза) [32].

Пространство антикоррупционных знаний реализуется через специфический набор учебных предметов («Антикоррупционное право», «Основы антикоррупционной культуры личности»), а также введением сквозных тем с антикоррупционным содержанием в такие предметы, как «Теория государства и права», «История государства и права» и в некоторые отраслевые учебные дисциплины. Важно также использование потенциала философского знания, а также возможностей таких дисциплин, как «Введение в профессию» и «Профессиональная этика юриста», поскольку «система антикоррупционного образования, наряду со специальными знаниями о коррупции и ответственности за совершение коррупционных правонарушений, должна также включать утверждения общечеловеческих и гуманистических правовых идей, национальных правовых ценностей, высоких моральных принципов в общественной жизни, чувства патриотизма, отстаивание активной гражданской позиции» [33, с. 84].

Коммуникативное пространство юридического вуза предполагает утверждение принципов взаимодействия профессорско-преподавательского состава, взаимоотношения между педагогом и студентом и между студентами. Несмотря на то что каждый тип отношений имеет свое специфическое содержание, все же коммуникация между участниками образовательного процесса должна выстраиваться на разделяемых всеми принципах взаимоуважения, взаимного учета интересов каждого участника (как преподавателя, так и студента), иначе говоря, субъект-субъектного взаимодействия как «особого вида отношения, при которых преподаватель и студенты ощущают себя в качестве равноправных партнеров общения» [34, с. 78].

Материально-предметное пространство вуза складывается из обстановки и организации физического пространства студентов. Здесь важно не столько наличие у вуза информационных технологий и интерактивных средств обучения, содействующих реализации содержания юридического образования, сколько изучение студентами специфики профессиональной юридической деятельности, приобщения их к лучшим культурным традициям юридического сообщества. Осуществление этого компонента культурного пространства вуза может быть воплощено различными способами, начиная с оформления учебных аудиторий, коридоров и рекреаций портретами известных юристов, стендами, образно представляющими культурную жизнь вуза в исторической плоскости, организации деятельности юридических музеев.

Таким образом, образовательное пространство юридического вуза в совокупности представленных структурно-содержательных компонентов является смысловым фундаментом антикоррупционного образования, направленного на формирование антикоррупционной культуры будущего бакалавра юриспруденции.

В основе коррупционной культуры находится уникальная совокупность стереотипизированных представлений о коррупции – коррупционных стереотипов, которые, являясь катализаторами развития коррупционных практик личностного взаимодействия, «...в значительной степени способствуют совершению коррупционных правонарушений представителями некоторой социальной группы» [35, с. 74]. Так, Е. А. Акунченко и П. А. Вырва к ним относят: «подарок – это не взятка», «но он же сам предложил», «пусть сначала докажут», «коррупция – это только преступление» и другие [35]. Это означает, что

антикоррупционное образование, формируя антикоррупционную позицию личности, должно исходить из цели преодоления упрощенного, стереотипизированного представления о коррупции, ее причинах и последствиях.

Результаты проведенного проф. О. В. Фроловым исследования свидетельствуют об индифферентности студентов к проявлению коррупционного поведения. «Пугающим парадоксом, – пишет автор, – является то, что опрошенные считают коррупцию неизбежной (89,65%), а в некоторых случаях даже полезной (61,25%)... Студенты не склонны рефлексировать по поводу “купленных” знаний, полагая, что “главное в этой жизни – не знания, а связи и деньги” (71,56%). При этом скептически воспринимается информация о кризисе компетентности как результате коррупционного взаимодействия. Опрошенные студенты считают неприемлемым не только налагать на себя нравственные ограничения, связанные с непосредственным или косвенным участием в коррупционной сделке (60,62%), но и обвинять преподавателей в безнравственном с общечеловеческой точки зрения коррупционном поведении (86,87%). По мнению большинства опрошенных, вина в том, что “преподаватели берут”, ложится на государство, которое “оценивает их труд крайне низко” (81,56%), и “нет ничего особенного в том, что преподаватели берут” (61,56%). На вопрос “Испытываете ли вы отвращение и враждебность к преподавателю, с которым вступаете в коррупционные отношения?” 70,62% ответили “нет”. Не приемлют протестного поведения против коррупционных действий 88,00% опрошенных. На вопрос “Готовы ли вы сообщить в компетентные органы о фактах коррупционного поведения со стороны преподавателей?” положительно ответили лишь 2,00%» [36]. Подобное положение вещей подтверждает дисгармонию между имеющимися антикоррупционными знаниями и их ценностным осмыслением и пониманием. В этой связи антикоррупционное образование в юридическом вузе должно быть ориентировано на формирование у будущего бакалавра юриспруденции понимания, направленного на решение проблемы коррупции как дисфункции социального механизма, парализующей деятельность социальных институтов, предназначенных для общественного развития, понижающей «национальный этический стандарт» общества. Именно понимание, а не знание должно предопределять успешность и эффективность антикоррупционного образования. Русский философ и социолог А. А. Зиновьев очень точно, на наш взгляд, обозначил важность взаимодействия знания и понимания, определив главенствующую роль последнего: «Чрезмерное знание порождает заблуждение, умственный хаос и, в конечном счете, опустошение. Часто лучше не знать, чем знать. Лучше учиться понимать, чем копить знания. Знать надо необходимый минимум, понимать же надо максимально много. Знание пассивно. Понимание активно. Знание – то, что добыто другими. Понимание – то, что ты добываешь сам. Знание есть обладание, понимание – созидание. Понимание есть способность приобретать знания в случае надобности и освобождать голову от них после использования их» [37]. Следовательно, антикоррупционное образование должно строиться на принципах глубокого осмысления коррупции, проникновения в суть данного явления как социальной деструкции, размывающей понятия идеологического порядка, как то: «социальная справедливость», «равенство», «свобода» в общественном сознании и понятия «честь», «честность», «порядочность», «совестливость» на уровне индивидуального сознания, анализа причин и следствий социального заболевания, формирования личностного отношения к коррупции и выработке собственной активной гражданской позиции по искоренению

этого явления, а также управления своим поведением исходя из самопознания и рефлексии как основных способов развития интеллектуальной сферы личности. Иными словами, антикоррупционные знания – это лишь мертвая материя, которая «оживает» лишь в процессе становления, движения, динамики, а в более точном смысле слова – понимания.

Д. С. Соммер в свое время показал всю опасность «вдалбливания» знаний обучающимся в отрыве от их критического понимания: «любой человек, природа которого была искажена, испорчена и извращена в результате бессознательного обучения или насильственного внедрения бессознательной информации, подвержен страшному недугу коррупции, фрустрациям и не способен к развитию ценнейшего качества, присущего истинному человеку, – высшего бодрствующего сознания, которое отличает пробудившегося человека от сомнамбуль» [38, с. 189].

Выявив и проанализировав сущностные черты антикоррупционного образования в целом и антикоррупционного воспитания в частности, мы не можем не упомянуть такую категорию формирования антикоррупционной культуры бакалавра юриспруденции, как «антикоррупционное просвещение». Исходя из анализа научной литературы, мы склонны считать антикоррупционное просвещение более пространной категорией, включающей в себя антикоррупционное образование как одну из «технологий активизации антикоррупционного потенциала российского общества» (М. В. Шедий). В подтверждение нашей точки зрения приведем позицию П. А. Кабанова, который под антикоррупционным просвещением мыслит «систему распространения субъектами государственной политики противодействия коррупции достоверной информации любым способом, в любой форме, с использованием любых коммуникативных средств в отношении неопределенного круга лиц, направленную на формирование в обществе антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры» [39, с. 49]. Исходя из данного определения, наряду с антикоррупционным образованием как наиболее эффективной мерой формирования антикоррупционной культуры существуют и иные способы: формирование антикоррупционного общественного мнения посредством СМИ, антикоррупционный контроль, осуществляемый институтами гражданского общества, ряд других мер и способов [40]. Следовательно, антикоррупционное просвещение и образование соотносятся между собой как часть и целое, а осуществление антикоррупционного образования – это лишь один из аспектов успешной реализации антикоррупционного просвещения, но не единственный.

Таким образом, рассмотрев проблему терминологического взаимодействия таких категорий формирования антикоррупционной культуры бакалавра юриспруденции, как «культура», «коррупционная культура», «антикоррупционное образование», «антикоррупционное воспитание», «антикоррупционная компетентность», «антикоррупционное просвещение», выявив их содержательную связь, мы приходим к выводу о возникновении потребности в формировании новой отрасли педагогического знания – антикоррупционной педагогики, которая, как пограничная научная дисциплина, будет включать в себя результаты познания философии, культурологии, права, социологии, психологии, наконец, экономической теории и истории. Введение такой научной дисциплины в учебные планы юридических вузов позволит сформировать у студентов-юристов дивергентное мышление, способное актуализировать творческий потенциал в выработке новых, нетривиальных методов предупреждения и борьбы с коррупцией.

Список литературы

1. Фромм Э. Человек одинок / [пер. с англ. Р. Облонской] // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 230–233.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: Ресбулика, 2006. URL: https://royallib.com/read/bodriyyar_gan/obshchestvo_potrebleniya.html#0 (дата обращения: 19.07.2019),
3. Асадуллин Р. М., Фролов О. В. Человек как концепт современной педагогической мысли // Педагогика. 2017. № 7. С. 28–35.
4. О национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 г.: указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 348. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102474013> (дата обращения: 19.07.2019).
5. Ерекешева Л. Г. Понятие культуры в теоретической социологии: проблема определения // Культурологический журнал. 2016. № 1 (23). С. 17.
6. Флиер А. Я. Культура как предмет научного познания // Горизонты гуманитарного знания. 2016. № 2. С. 27–39.
7. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука (логико-методол. анализ). М.: Мысль, 1983. 284 с.
8. Невелева И. М., Кохан Ж. С. Культура как система ценностей: психолого-культурологический экскурс // Научные ведомости. Сер.: Философия. Социология. Право. 2016. 24 (245). Вып. 38. С. 177–180.
9. Кирьякова А. В. Аксиология образования. Ориентация личности в мире ценностей: [моногр.]. М.: Дом педагогики, 2009. 152 с.
10. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура: [моногр.]. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. 873 с.
11. Гуревич П. С. Философия культуры. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gurevich/01.php (дата обращения: 15.06.2019).
12. Тайлор Э. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 485 с.
13. Флиер А. Я. Неизбежна ли культура? (о границах социальной полезности культуры) // Личность. Культура. Общество. 2009. Вып. 1. С. 90–99.
14. Дахин А. В. Коррупция: элементы социологической модели // Коррупция в органах государственной власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество: сб. ст. / под ред. П. Н. Панченко, А. Ю. Чупровой, А. И. Мизерия. Н. Новгород. 2001. С. 192–201.
15. Нестик Т. А. Коррупция и культура // Экономическая теория преступлений и наказаний. 2002. № 4. URL: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/4-2/n4-05.html> (дата обращения: 05.06.2019).
16. Каменский Е. Г. Коррупционная культура: теоретико-концептуальный конструкт // Вестн. Ин-та социологии. 2014. № 2. С. 73–92.
17. Сюзева Н. В. От антикоррупционной субкультуры к некоррупционной культуре // Культура и цивилизация. 2015. № 6. С. 189–204.
18. Кислов А. Г., Сюзева, Н. В. Амбивалентность культуры в процессах воспроизводства и предупреждения коррупции // Вестн. Челябинской гос. академии культуры и искусств. 2016. № 1 (45). С. 81–89.

19. Сюзева Н. В. Культурно-исторические предпосылки формирования стереотипов коррупционного поведения // *Онтология и аксиология права: тез. докл. и сообщ.* VII междунар. науч. конф. Омск: Омская академия МВД России, 2015. 140 с.
20. Бердяев Н. А. Судьба России: сб. ст. (1914-1917). URL: http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 12.06.2019).
21. Пучинин А. В., Горбова В. В. Коррупция как культурно-ментальный феномен // *Общественная безопасность, законность, правопорядок в III тысячелетии*. 2017. № 3-3. С. 330-335.
22. Гудинг Д., Леннокс Дж. Мировоззрение: для чего мы живем и каково наше место в мире. Ярославль: ДИА-пресс, 2000. 384 с.
23. Kiryakova A. V. Experimental Study of the Effectiveness of College Students Vocational Training in Conditions of Social Partnership // *IEJME - MATHEMATICS EDUCATION*. 2016. Vol. 11, № 3. P. 457-466.
24. Гайсина Г. И. Культурологический подход в педагогическом исследовании: [моногр.]. УФА: Вагант, 2007. 304 с.
25. Николаев С. М. Ценностные ориентации противодействия коррупции у сотрудников правоохранительных органов: [моногр.]. Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2016. 204 с.
26. Шарапова Е. А. Формирование антикоррупционной компетентности студентов в образовательном пространстве современного вуза: [моногр.]. Краснодар: КСЭИ, 2016. 111 с.
27. Киз Д. Цветы для Элджернона / [пер. с англ. С. Шарова]. М.: Эксмо, 2015. 520 с.
28. Горбова В. В. Коррупция и нравственные пороки личности // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. 2015. № 2 (14). С. 41-45.
29. Монтень М. Глава XXVI: О воспитании детей // Монтень М. Опыты. URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/MONTEN/monten1.txt> (дата обращения: 12.06.2019).
30. Джуринский А. Н. История зарубежной педагогики: [учеб. пособие для вузов]. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 1998. 272 с.
31. Днепров С. А., Никоряк В. В. Проблемы антикоррупционного воспитания в профессиональном образовании будущих правоведов // *Пед. образование в России*. 2017. № 7. С. 1-20.
32. Бондырева С. К. Психолого-педагогические проблемы интегрирования образовательного пространства: [избр. тр.]. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. 352 с.
33. Шорохов В. Е., Савинов Л. В. Антикоррупционное образование в контексте государственной антикоррупционной политики // *Перспективы науки: материалы IV междунар. заоч. конкурса науч.-исслед. работ*. Научно-образоват. центр «Знание» (Казань, 2016) / сост. А. В. Гумеров. Казань: Изд-во Рокета Союз, 2016. 242 с.
34. Ярцева И. К. Субъект-субъектные отношения как основа формирования общекультурных компетенций студентов-будущих переводчиков // *Вестн. Воронежского гос. техн. ун-та*. 2014. № 3-2. С. 77-81.
35. Акунченко Е. А., Вывва П. А., Дамм И. А. Основы антикоррупционного просвещения в сфере образования: [учеб. пособие]. Красноярск: СФУ, 2016. 200 с.

36. Фролов О. В. Аксиолого-педагогические проблемы формирования антикоррупционной культуры студентов университета // Педагогический журнал Башкортостана. 2019. № 4. С. 84–92.
37. Зиновьев А. А. Иди на Голгофу. URL: <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/textgolgofo.pdf> (дата обращения: 12.06.2019).
38. Соммер Д. С. Мораль XXI века. М.: Кодекс, 2013. 480 с.
39. Кабанов П. А. Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции: понятие и содержание // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 4. С. 42–51.
40. Шедий М. В. Технологии активизации антикоррупционного потенциала российского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12, № 3. С. 173–182.

References

1. Fromm E. Chelovek odinok. *Inostrannaya literatura*. 1966, No. 1, pp. 230–233. (in Russian)
2. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya*. Moscow: Resbulika, 2006. Available at: https://royallib.com/read/bodriyyar_gan/obshchestvo_potrebleniya.html#0 (accessed: 19.07.2019). (in Russian)
3. Asadullin R. M., Frolov O. V. Chelovek kak kontsept sovremennoy pedagogicheskoy mysli. *Pedagogika*. 2017, No. 7, pp. 28–35.
4. O natsionalnom plane protivodeystviya korruptsii na 2018–2020 g.: ukaz Prezidenta RF ot 29.06.2018 No. 348. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102474013> (accessed: 19.07.2019).
5. Erekesheva L. G. Ponyatie kultury v teoreticheskoy sotsiologii: problema opredele-niya. *Kulturologicheskiy zhurnal*. 2016, No. 1 (23), p. 17.
6. Flier A. Ya. Kultura kak predmet nauchnogo poznaniya. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*. 2016, No. 2, pp. 27–39.
7. Markaryan E. S. Teoriya kultury i sovremennaya nauka (logiko-metodol. analiz). Moscow: Mysl, 1983. 284 p.
8. Neveleva I. M., Kokhan Zh. S. Kultura kak sistema tsennostey: psikhologo-kultur-ologicheskiy ekskurs. *Nauchnye vedomosti. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2016, 24 (245), Iss. 38, pp. 177–180.
9. Kiryakova A. V. *Aksiologiya obrazovaniya. Orientatsiya lichnosti v mire tsennostey*. Mos-cow: Dom pedagogiki, 2009. 152 p.
10. Merton R. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura*. Moscow: AST: AST Moskva: Khra-nitel, 2006. 873 p. (in Russian)
11. Gurevich P. S. *Filosofiya kultury*. Available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gurevich/01.php (accessed: 15.06.2019).
12. Tylor E. *Pervobytnaya kultura*. Moscow: Politizdat, 1989. 485 p. (in Russian)
13. Flier A. Ya. Neizbezhna li kultura? (o granitsakh sotsialnoy poleznosti kultury). *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*. 2009, Iss. 1, pp. 90–99.

14. Dakhin A. V. Korruptsiya: elementy sotsiologicheskoy modeli. In: Panchenko P. N., Chuprova A. Yu., Mizeriya A. I. *Korruptsiya v organakh gosudarstvennoy vlasti: priroda, mery protivodeystviya, mezhdunarodnoe sotrudnichestvo. Coll. of art.* Nizhny Novgorod. 2001. Pp. 192–201.
15. Nestik T. A. Korruptsiya i kultura. *Ekonomicheskaya teoriya prestupleniy i nakazaniy.* 2002, No. 4. Available at: <http://corruption.rsuh.ru/magazine/4-2/n4-05.html> (accessed: 05.06.2019).
16. Kamenskiy E. G. Korruptionnaya kultura: teoretiko-kontseptualnyy konstrukt. *Vestn. In-ta sotsiologii.* 2014, No. 2, pp. 73–92.
17. Syuzeva N. V. Ot antikorrupsionnoy subkultury k nekorruptionnoy culture. *Kultura i tsivilizatsiya.* 2015, No. 6, pp. 189–204.
18. Kislov A. G., Syuzeva, N. V. Ambivalentnost kulturey v protsessakh vosproizvodstva i preduprezhdeniya korruptsii. *Vestn. Chelyabinskoy gos. akademii kulturey i iskusstv.* 2016, No. 1 (45), pp. 81–89.
19. Syuzeva N. V. Kulturno-istoricheskie predposylki formirovaniya stereotipov korruptionnogo povedeniya. In: *Ontologiya i aksiologiya prava. Proceedings of the VII International scientific conference.* Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2015. 140 p.
20. Berdyaev N. A. *Sudba Rossii.* Coll. of art. (1914–1917). Available at: http://lib.ru/HRISTIAN/BERDQEW/rossia.txt_with-big-pictures.html (accessed: 12.06.2019).
21. Puchinin A. V., Gorbova V. V. Korruptsiya kak kulturno-mentalnyy fenomen. *Obshchestvennaya bezopasnost, zakonnost, pravoporyadok v III tysyacheletii.* 2017, No. 3-3, pp. 330–335.
22. Gooding D., Lennox J. *Mirovozzrenie: dlya chego my zhivem i kakovo nashe mesto v mire.* Yaroslavl: DIA-press, 2000. 384 p. (in Russian)
23. Kiryakova A. V. Experimental Study of the Effectiveness of College Students Vocational Training in Conditions of Social Partnership. *IEJME – MATHEMATICS EDUCATION.* 2016, Vol. 11, No. 3, pp. 457–466.
24. Gaysina G. I. *Kulturologicheskiy podkhod v pedagogicheskom issledovanii.* UFA: Vagant, 2007. 304 p.
25. Nikolaev S. M. *Tsennostnye orientatsii protivodeystviya korruptsii u sotrudnikov pravookhranitelnykh organov.* Pskov: Pskovskiy filial Akademii FSIN Rossii, 2016. 204 p.
26. Sharapova E. A. *Formirovanie antikorrupsionnoy kompetentnosti studentov v obrazovatelnom prostranstve sovremennogo vuza.* Krasnodar: KSEI, 2016. 111 p.
27. Kiz D. *Tsvety dlya Algernon.* Moscow: Eksmo, 2015. 520 p. (in Russian)
28. Gorbova V. V. Korruptsiya i нравственные пороки личности. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo.* 2015, No. 2 (14), pp. 41–45.
29. Montaigne M. Glava XXVI: O vospitanii detey. In: Montaigne M. *Opyty.* Available at: <http://www.lib.ru/FILOSOF/MONTEN/monten1.txt> (accessed: 12.06.2019).
30. Dzhurinskiy A. N. *Istoriya zarubezhnoy pedagogiki.* Moscow: FORUM: INFRA-M, 1998. 272 p.
31. Dneprov S. A., Nikoryak V. V. Problemy antikorrupsionnogo vospitaniya v professionalnom obrazovanii budushchikh pravovedov. *Ped. obrazovanie v Rossii.* 2017, No. 7, pp. 1–20.

32. Bondyreva S. K. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy integrirvaniya obrazovatel'nogo prostanstva*. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2011. 352 p.
33. Shorokhov V. E., Savinov L. V. Antikorrupsionnoe obrazovanie v kontekste gosudarstvennoy antikorrupsionnoy politiki. In: Gumerov A. V. *Perspektivy nauki. Proceedings of the IV International correspondence competition of research works*. Nauchno-obrazovat. tsentr "Znanie" (Kazan, 2016). Kazan: Izd-vo Roketa Soyuz, 2016. 242 p.
34. Yartseva I. K. Subyekt-subyektnye otnosheniya kak osnova formirovaniya obshchekulturnykh kompetentsiy studentov-budushchikh perevodchikov. *Vestn. Voronezhskogo gos. tekhn. un-ta*. 2014, No. 3-2, pp. 77-81.
35. Akunchenko E. A., Vyrva P. A., Damm I. A. *Osnovy antikorrupsionnogo prosveshcheniya v sfere obrazovaniya*. Krasnoyarsk: SFU, 2016. 200 p.
36. Frolov O. V. Aksiologo-pedagogicheskie problemy formirovaniya antikorrupsionnoy kultury studentov universiteta. *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkortostana*. 2019, No. 4, pp. 84-92.
37. Zinovyev A. A. Idi na Golgofu. Available at: <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/textgolgofa.pdf> (accessed: 12.06.2019).
38. Sommer D. S. *Moral XXI veka*. Moscow: Kodeks, 2013. 480 p. (in Russian)
39. Kabanov P. A. Antikorrupsionnoe prosveshchenie kak sredstvo protivodeystviya korruptsii: ponyatie i sodержание. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*. 2014, No. 4, pp. 42-51.
40. Shediy M. V. Tekhnologii aktivizatsii antikorrupsionnogo potentsiala rossiyskogo obshchestva. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. 2017, Vol. 12, No. 3, pp. 173-182.

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2020, № 1

Статья поступила в редакцию 22.07.2019
The article was received on 22.07.2019